

Совет пришел к выводу о том, что адвокат, назначенная защитником и покинувшая судебное заседание ввиду отсутствия доказательств надлежащего уведомления защитника обвиняемого по соглашению, действовала в соответствии с требованиями закона

Совет, не согласившись с Заключением Квалификационной комиссии, пришел к выводу о том, что адвокат, назначенная защитником и покинувшая судебное заседание ввиду отсутствия доказательств надлежащего уведомления защитника обвиняемого по соглашению, действовала в соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Дисциплинарное производство прекращено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката О. в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката О., возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда П. от 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. адвокат О. допустила нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...»), что выразилось в отказе адвоката О. от участия 16 сентября 2019 г. в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении обвиняемому К. срока содержания под стражей и в самовольном покидании судебного заседания.

Адвокат О. в заседании Совета не согласилась с Заключением Квалификационной комиссии, подтвердила доводы своих письменных возражений от 7 декабря 2019 г. После вынесения Квалификационной комиссией Заключения она обратилась к защитнику К. по соглашению и получила от него документ, который был представлен в М. городской суд. Этот документ

передавался в суд по факсу. Верифицировать документ от следователя не представилось возможным. Исходящий номер документа не читаем.

В заседании Совета адвокат О. заявила устное ходатайство о приобщении к материалам дисциплинарного производства светоконвертов описи документов, имеющихся в материалах дела №... в отношении К. и И. (на 1 листе), заявления К. о согласии на представление его интересов защитником Г. (на 1 листе), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1-м листе, плохо читаемое в части реквизитов и текста), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1 листе), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1 листе, плохо читаемое), всего на пяти листах. Совет удовлетворил ходатайство адвоката О. в полном объеме, приобщил указанные документы к материалам дисциплинарного производства.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката О., не соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, которая, правильно установив фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения дисциплинарного производства, дала им неверную правовую оценку.

Квалификационная комиссия в Заключении правильно указала, что 16 сентября 2019 г. адвокат О., назначенная в качестве защитника обвиняемого К. в установленном порядке, действуя на основании ордера... ознакомилась с подлежащим рассмотрению в судебном заседании материалом №... и прибыла в 13.30 в М. городской суд для участия в нем.

В судебном заседании М. городского суда 16 сентября 2019 г. следователь Б. заявила ходатайство о приобщении к материалам «Телефонограммы адвокату К-ву, заявки в Адвокатскую палату города Москвы, уведомления КА "...» для адвоката К-ва, скриншота сообщения адвоката К-ва».

Суд удовлетворил ходатайство следователя Б. в полном объеме, приобщил указанные документы к материалам, после чего адвокат О. сообщила суду, что «учитывая позицию Конституционного Суда Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов от 15 марта 2019 г., я заявляю самоотвод, поскольку я считаю, что достоверных данных об извещении адвоката по соглашению не представлено. Прошу рассмотреть вопрос об освобождении защитника». Обвиняемый К., согласно протоколу судебного заседания, не возражал, чтобы его интересы представляла адвокат О.

Рассмотрев указанное ходатайство, председательствующий судья постановил: «Ходатайство защитника О. об освобождении ее от участия в судебном заседании оставить без удовлетворения, поскольку предоставленные следователем сведения надлежащим

образом подтверждены, оснований не доверять приобщенным документам не имеется».

После этого адвокат О. сообщила суду: «Я не могу присутствовать в зале суда. У нас есть разъяснения Адвокатской палаты, где всё черным по белому написано», – и покинула зал судебного заседания.

Квалификационная комиссия дала правильную оценку объяснениям адвоката О. в части доводов о том, что протокол судебного заседания от 16 сентября 2019 г. не отражает достоверно события, имевшие место в указанном заседании, а именно то, что фактически никакие документы следователем Б. в материалы дела 16 сентября 2019 г. не представлялись, а был представлен лишь ее рапорт об извещении адвоката К-ва. При этом обвиняемый К. изначально был против участия в качестве его защитника адвоката О. и лишь после оказанного на него председательствующим судьей психологического давления согласился на это, а также то, что заявленное адвокатом О. ходатайство председательствующий судья вообще не рассмотрел, сообщив лишь, что «подобных норм УПК РФ не содержит», и перешел к рассмотрению дела по существу. В своей оценке Квалификационная комиссия обоснованно руководствовалась положениями п. 5 ч. 3 ст. 259 УПК РФ, в соответствии с которым в протоколе указываются действия суда в том порядке, в котором они имели место в ходе судебного заседания, заявления, возражения и ходатайства участвующих в уголовном деле лиц, а также ст. 260 УПК РФ о праве участвующих в рассмотрении дела лиц, не согласных с протоколом судебного заседания, подать на него замечания. Квалификационная комиссия верно указала, что доказательств обращения адвоката О. с замечаниями на протокол судебного заседания М. городского суда от 16 сентября 2019 г. не представлено, в связи с чем при оценке действий (бездействия) адвоката О. Комиссия основывается на фактических обстоятельствах, изложенных в протоколе судебного заседания.

Правильно установив приведенные выше фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к ошибочному выводу о том, что, покинув зал судебного заседания, адвокат О. нарушила требования уголовно-процессуального законодательства и решения органов адвокатского самоуправления.

Совет прежде всего обращает внимание на содержание документов, представленных следователем Б. в суд в целях подтверждения якобы надлежащего извещения защитника К. по соглашению, адвоката К-ва, о дате и времени судебного заседания, а именно собственноручно написанной следователем Б. «телефонограммы», датированной 16 сентября 2019 г., без указания времени и каких-либо отметок о ее передаче и получении, нечитаемым уведомлением следователя Б. в адрес Коллегии адвокатов города Москвы «...» и скриншота из неидентифицированного сервиса обмена сообщениями, якобы содержащего ответ от имени адвоката К-ва на полученное им извещение.

Анализ указанных документов свидетельствует о том, что они как по отдельности, так и в совокупности не являются достаточными и достоверными доказательствами надлежащего извещения защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва. Так, приобщенное к материалам уведомления в адрес Коллегии адвокатов города Москвы «...» явно нечитаемо и в силу этого вообще не может служить каким-либо доказательством. Из его содержания невозможно установить дату составления уведомления и различить его текст. Из реквизитов уведомления не представляется возможным установить факт его отправки и доставки в Коллегию адвокатов «...». Как следует из протокола судебного заседания, следователь Б., заявляя ходатайство о приобщении документов к материалам, не сообщила дополнительных сведений, подтверждающих факт надлежащего извещения адвоката К-ва. В связи с этим остался невыясненным вопрос о том, когда и каким образом приобщенное к материалам уведомление следователя Б. с нечитаемыми датой составления и текстом поступило в Коллегию адвокатов «...». На указанном уведомлении отсутствует подпись лица, принявшего его в Коллегии адвокатов «...». Следователем не представлены доказательства отправки его каким-либо способом связи: по почте, факсу или иным образом, позволяющим идентифицировать его отправку и получение адресатом. При таких обстоятельствах оценка рассматриваемого уведомления ограничивается лишь фактом его составления следователем Б. и представления в суд.

Скриншот сообщения якобы от имени адвоката К-ва также не имеет какого-либо доказательственного значения для подтверждения факта его надлежащего извещения о дате и времени судебного заседания. Детальный анализ этого документа не позволяет признать его доказательством указанного факта в связи с тем, что невозможно идентифицировать сервис обмена сообщениями, номер абонента мобильного устройства, с которого оно было отправлено, номер абонента мобильного устройства, на который оно было отправлено, дату и время отправления и получения сообщения. При таких обстоятельствах невозможно установить, имел ли в действительности место обмен этими сообщениями, а если имел, то когда и между кем. То обстоятельство, что оно якобы подписано «адвокатом К-вым», не может с достаточной степенью достоверности свидетельствовать о том, что именно он является автором указанного сообщения. Совет отмечает тот общеизвестный факт, что современные информационные технологии позволяют любому лицу, имеющему минимальные навыки общения с сервисами обмена сообщениями, скрыв при фотографировании или копировании номера абонентов мобильных устройств, написать любой текст и выдать за его автора любое лицо.

«Телефонограмма», собственноручно написанная следователем Б. и датированная 16 сентября 2019 г. (день судебного заседания), без указания времени, также не может являться доказательством надлежащего извещения адвоката о дате и времени судебного заседания. Совет последовательно отстаивает позицию о том, что не подтвержденное объективными сведениями сообщение следователя в устной или письменной форме в

различных документах (рапорте, телефонограмме, заявлении и т.п.) об извещении защитника о дне, времени и месте судебного заседания не может являться достаточным доказательством этого обстоятельства.

Совет обращает внимание на то обстоятельство, что уголовно-процессуальное законодательство РФ не предусматривает такую форму уведомления участников уголовного судопроизводства, как телефонограмма. Анализ законодательства РФ на предмет уяснения правового основания для признания телефонограммы как формы коммуникации между субъектами свидетельствует о том, что она имеет крайне ограниченные и специально оговоренные пределы, которые позволяют идентифицировать передающих и принимающих лиц, дату и время передачи, а также дословное содержание. Так, например, телефонограмма как способ коммуникации прямо закреплена и имеет соответствующую нормативную регламентацию в Вооруженных силах Российской Федерации (см. Инструкцию по делопроизводству в Вооруженных силах Российской Федерации (ИД-2017), утвержденную приказом министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170). Также телефонограмма используется как официальный способ коммуникации сотрудников органов внутренних дел с сотрудниками органов Федеральной службы безопасности в рамках осуществления контроля за иностранными гражданами (см. приказ МВД РФ № 612 и ФСБ РФ № 460 от 8 августа 2017 г. «О формах журнала телефонограмм и актах приема-передачи»). Каждый из субъектов коммуникации с использованием телефонограмм обязан иметь соответствующие журналы приема и получения телефонограмм с обязательными реквизитами, включая регистрационные номера и дословный учет текста телефонограммы. Сами журналы должны иметь двухстороннее расположение и предусматривать способы распознавания утери (порчи) листов.

Очевидно, что ввиду отсутствия нормативной регламентации телефонограмма не может применяться как надлежащий способ коммуникации между следователем (дознавателем) и адвокатом. Судебная практика также не считает телефонограмму достаточным для верификации способом коммуникации. Так, Московский городской суд в Определении от 7 октября 2010 г. ...признал неправомерным уведомление работницы о необходимости получить трудовую книжку телефонограммами, поскольку способ их оформления не позволяет проверить достоверность содержащихся сведений. Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в Постановлении от 1 ноября 2012 г. ...также признал телефонограмму способом, не подтверждающим надлежащее извещение налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов проверки.

Совет исходит из того, что если судебная практика не признает телефонограммы надлежащим способом извещения в трудовых и налоговых правоотношениях, то в уголовно-процессуальных отношениях, где наиболее существенно затрагиваются фундаментальные права человека и ценности, применение рассматриваемого способа коммуникации при

обеспечении реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи тем более недопустимо в силу отсутствия минимальных гарантий верификации.

Наконец, применительно к «телефонограмме» следователя Б. от 16 сентября 2019 г. Совет отмечает, что она не содержит необходимых минимальных сведений, позволяющих признать ее достоверной и в совокупности с другими объективными сведениями положить в основу вывода о надлежащем извещении защитника по соглашению. Как отмечено выше, в «телефонограмме» отсутствуют сведения о времени якобы осуществления телефонного звонка следователя по указанному в ней номеру 13 сентября 2019 г. и обратного звонка адвоката К-ва 16 сентября 2019 г. с сообщением о невозможности явки в суд. Помимо этого, в «телефонограмме» не указан номер абонента мобильного устройства, звонком с которого она якобы была передана 13 сентября 2019 г. и на который якобы был осуществлен обратный звонок адвоката К-ва 16 сентября 2019 г. Помимо этого, в «телефонограмме» указано, что следователь Б. якобы направила уведомление по электронной почте по электронному адресу... Между тем к самой телефонограмме каких-либо сведений, подтверждающих отправку и получение электронного письма, равно как и принадлежность электронного адреса соответствующему адвокатскому образованию, не приложено.

Кроме того, вызывает обоснованные сомнения сам факт составления «телефонограммы» 16 сентября 2019 г. об обстоятельствах передачи информации следователем Б. адвокату К-ву, якобы имевшей место 13 сентября 2019 г. По смыслу этого способа передачи информации телефонограмма сначала составляется, потом передается (зачитывается под запись) адресату, проставляются дата, время передачи/получения и указывается лицо, принявшее телефонограмму. Более того, телефонограмма не предназначается для фиксации ответных сведений от адресата, которому ранее была передана содержащаяся в ней информация. Содержание рассматриваемой «телефонограммы» следователя больше соответствует содержанию рапорта следователя своему руководителю, однако такой рапорт вовсе не имеет юридического значения для третьих лиц.

Сопоставление анализируемых документов как по отдельности, так и в их совокупности приводит Совет к выводу о том, что на их основании нельзя признать извещение защитника по соглашению, адвоката К-ва, надлежащим, поскольку ни один из них не содержит сведений, минимально необходимых для верификации, и не может прямо или косвенно подтвердить факт надлежащего извещения.

Совет отмечает и явное противоречие между документами, представленными в суд следователем Б. Так, наряду с ранее проанализированными документами следователь Б. представила в суд «Заявку в Адвокатскую палату города Москвы». Из указанной заявки

следует, что адвокат О. была назначена 13 сентября 2019 г. в 15.34 для участия в качестве защитника по уголовному делу в отношении обвиняемого К. Отсутствие в проанализированных выше телефонограмме и уведомлении сведений о времени их передачи/отправления адресатам не позволяет сопоставить их со временем размещения заявки в АИС АПМ, что само по себе является обстоятельством, снижающим степень достоверности представленной следователем информации. Между тем другие известные из указанных документов сведения со всей очевидностью позволяют утверждать о ее явной недостоверности. Так, в соответствии с телефонограммой от 16 сентября 2019 г. следователь Б. 13 сентября 2019 г. (!) сообщила адвокату К-ву о необходимости явки в М. городской суд 16 сентября 2019 г. к 13.30. В свою очередь адвокат К-в «посредством телефонного звонка, а также телефонного мессенджера» 16 сентября 2019 г. (!) «уведомил о невозможности присутствовать при рассмотрении вышеуказанного ходатайства в связи с занятостью при проведении следственного действия и судебного заседания по другому уголовному делу». Таким образом, до 16 сентября 2019 г. у следователя Б., согласно ее же информации, представленной суду, отсутствовали сведения о невозможности участия защитника обвиняемого К., адвоката К-ва, в судебном заседании М. городского суда 16 сентября 2019 г. Соответственно, на 13 сентября 2019 г. у следователя Б. отсутствовали правовые основания для размещения заявки в АИС АПМ в целях выделения защитника по назначению для участия в судебном заседании 16 сентября 2019 г. Указанные обстоятельства дополнительно подтверждают обоснованность сомнений в том, что уведомление защитника по соглашению, адвоката К-ва, имело место 13 сентября 2019 г.

При таких обстоятельствах Совет разделяет позицию адвоката О. о том, что «Достоверных данных об извещении адвоката по соглашению не представлено». Совет считает, что в материалах, имевшихся в распоряжении суда и, соответственно, доступных адвокату О., даже после приобщения документов по ходатайству следователя Б. отсутствовали достаточные доказательства надлежащего извещения защитника по соглашению обвиняемого К., адвоката К-ва. Следовательно, у адвоката О. в сложившейся ситуации не имелось оснований для участия в судебном заседании в качестве назначенного защитника.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. (Протокол № 1) утвердил Решение, в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42);

«Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 11–12 (121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждено Советом 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев неприятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное

заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устранить участие в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Изложенное разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 4 (130). С. 17–21; 2016. Выпуск № 3 (133). С. 85–90).

Сопоставление поведения адвоката О. с указанными выше разъяснениями свидетельствует о том, что адвокат О. действовала в полном соответствии с ними, в связи с чем она не может быть привлечена к дисциплинарной ответственности за покидание зала судебного заседания.

Так, ознакомившись с материалами и установив, что у обвиняемого К. имеется защитник по соглашению, адвокат К-в, адвокат О. в судебном заседании предприняла необходимые и достаточные действия, направленные на прекращение своего участия в деле, сделав устное заявление о самоотводе и невозможности осуществлять защиту по назначению. Основанием для такого заявления послужило то обстоятельство, что в материалах отсутствовали достоверные данные о надлежащем извещении защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва, о дате, времени и месте судебного разбирательства.

Разрешая заявленное адвокатом О. ходатайство, суд протокольным постановлением констатировал лишь свою оценку представленных следователем Б. сведений о якобы надлежащем извещении защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва. Каких-либо доводов о том, что поведение адвоката К-ва либо обвиняемого К. противоречит требованиям закона либо представляет собой злоупотребление правом на защиту, и что такое поведение дезорганизует ход судебного заседания и направлено на его срыв, в указанном протокольном постановлении не приведено. Более того, в рассматриваемом протокольном постановлении отсутствуют какие-либо ссылки на правовое обоснование принятого решения, в связи с чем не представляется возможным признать его достаточным для продолжения участия в деле защитника по назначению, адвоката О., с учетом указанных выше решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их полномочий и в силу этого обязательных для адвоката. Совет констатирует, что по существу мотивированное ходатайство адвоката О. об освобождении ее от участия в деле в качестве назначенного защитника осталось без надлежащего рассмотрения.

Совет также обращает внимание на общеобязательную правовую позицию Конституционного Суда РФ, который в п. 5 Постановления от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» признал, что назначение защитника при наличии у обвиняемого защитника по соглашению согласуется с интересами правосудия и направлено на реализацию предписаний ст. 17 (ч. 3) и 48 Конституции РФ в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляют правом на защиту и такое злоупотребление дезорганизует ход

досудебного или судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможность приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение.

Применяя эту конституционно-правовую позицию к установленным Конституционной комиссией и изложенным выше фактическим обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет также приходит к выводу о том, что адвокат О. в сложившейся ситуации и с учетом известных ей обстоятельств не имела правовых оснований для продолжения своего участия в судебном заседании М. городского суда.

В связи с этим Совет признает, что адвокат О., покинув зал судебного заседания после соответствующего заявления с обоснованием своих действий, действовала в полном соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Такое поведение защитника по назначению, адвоката О., не может расцениваться как отказ от защиты и является не только правомерным, но и обязательным, поскольку оно было направлено именно на надлежащее обеспечение реализации права обвиняемого К. на защиту свободно избранным им защитником.

То обстоятельство, что суд в протокольном постановлении, не приведя надлежащего обоснования и мотивировки, признал, что «предоставленные следователем сведения надлежащим образом подтверждены, оснований не доверять приобщенным документам не имеется», не лишает адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам права выбора способа профессионального поведения в соответствии с приведенными выше обязательными требованиями.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве определяет Совет Федеральной палаты адвокатов РФ. Такой порядок утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов 15 марта 2019 г. Абзац 2 подп. «б» пункта 6 раздела 5 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве предусматривает, что, приняв поручение на защиту по назначению и явившись к месту производства процессуального действия, адвокат обязан выявить наличие/отсутствие обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, по результатам которого принять меры, руководствуясь решениями Совета ФПА РФ, принятыми в пределах их компетенции (в том числе Решением от 27 сентября 2013 г. (Протокол № 1) «О двойной защите»), решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации, включая разъяснения по поводу возможных действий адвокатов в сложной ситуации, касающейся соблюдения этических норм. Поэтому в вопросе о возможности продолжения участия в деле

защитника по назначению при наличии защитника по соглашению адвокату следует руководствоваться нормативными актами соответствующих адвокатских палат.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что сама по себе дача обвиняемым согласия на участие защитника по назначению при наличии у него защитника по соглашению в отсутствие законных оснований для назначения защитника и его участия в уголовном деле не может легитимировать такое участие. Вместе с тем эта позиция обвиняемого лишь подтверждает факт отсутствия в его поведении каких-либо признаков злоупотребления правом на защиту.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, признает презумпцию добросовестности адвоката О. непровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.